

М.М. Дунаев

«Дом с мезонином»

Сектантская узость — не обязательно в религиозной сфере — виделась Чехову как важная причина, разрушающая единство между людьми.

В рассказе «Дом с мезонином» (1896) писатель показал зарождение духовной близости, грубо расторгнутой рационально-сухой и жестокою внешнею силою, деспотически упоённою своею правотою.

Лидия Волчанинова, олицетворяющая эту силу, воспринимает жизнь, по сути, на уровне примитивном, материальном: душевные, а в ещё большей мере духовные потребности человека её не интересуют, она их просто не понимает. Она сознаёт нужность больниц и школ, но необходимость искусства, прямо не связанного с её узкими интересами, — вне круга её разумения. Тем более она глуха ко всем разговорам о более высоком осмыслении бытия, нежели ей доступное. Художник, персонаж-рассказчик, приводит ей важнейшие доводы, но лишь время теряет:

«...Миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх. Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своём образе и подобию; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить. ...»

Нужно освободить людей от тяжкого физического труда. ...Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о Боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе и тогда увидите, какая в сущности насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознаёт своё истинное призвание, то удовлетворить его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки».

В этих словах раскрывается, наконец, смысл всех рассуждений Чехова о прогрессе. Прогресс научный является для автора «Дома с мезонином» не самодостаточной ценностью, не самоцелью, а условием раскрытия духовных сил человека, тем, что устранит все помехи для возможности «подумать о душе и о Боге». Прогресс человеческого бытия именно в осуществлении такой возможности. Можно по-разному воспринимать эту мысль писателя, можно сказать, что помимо освобождения человека от тягот физического труда, для осуществления духовных потребностей необходимы и иные, не только материальные условия (иначе можно лишь поощрить появление развлекающихся бездельников), но прежде должно признать: Чехов вовсе не подменяет веру в Бога верою в прогресс — столь вульгарные воззрения ему не были присущи. Впрочем, он нигде не говорит, что освобождение от тягот труда является единственным и достаточным условием для осуществления духовных стремлений. Просто в данном случае выпал повод говорить именно о том.

Исходя из этого, можно догадаться, почему в паре и электричестве Чехов видел больше любви к человеку, чем в толстовской моральной проповеди (что он утверждал в цитированном несколько ранее письме Суворину от 27 марта 1894 г.): вегетарианство и прочее становятся в этой проповеди самоцелью, ограничивающей смысл человеческой жизни, тогда как научные достижения есть лишь средство, помогающее человеку раскрыть присущие ему духовные потребности.

<...>

Разумеется, Чехова нельзя заподозрить в отвержении самой идеи строительства школ и больниц: в земской деятельности он активно участвовал, строил школы и открывал медицинские пункты, много добился. В «Доме с мезонином» писатель заостряет проблему, высказывает возражения, как будто парадоксально противоречащие его собственной практической деятельности, — чтобы установить подлинную иерархию ценностей, возносящую духовное над материальным, даже насущно полезным.

Лидия Волчанинова в своих заботах о мужиках бездушно суха. Она прочно держится за внешнюю форму, вовсе не догадываясь о необходимости некоего внутреннего содержания, только и делающего существование этой формы оправданным.

<...>

Лидия Волчанинова служит своей гордыне, а не долгу — эта её внутренняя затаённая страсть достаточно заметна для наблюдательного глаза. Ей нужно, чтобы ею восхищались, поэтому когда она встречает неприятие своего «подвижничества» со стороны художника, она начинает его не просто презирать, но ненавидеть. Она же почувствовала в нём угрозу установившемуся преклонению перед нею со стороны матери и сестры — и грубо рвёт возникающую близость между художником и Мисюсь. Лидия не знает важнейшего: она не знает любви — поэтому она не может почувствовать чужую боль. Она включена, не подозревая о том, в жёсткую систему равнодушия и неспособности к духовному осмыслению жизни и себя в жизни.

Не случайно сообщает автор, что близость между художником и Мисюсь начинается с разговора о бессмертии:

«Ей хотелось, чтобы я ввёл её в область вечного и прекрасного, в этот высший свет, в котором, по её мнению, я был своим человеком, и она говорила со мной о Боге, о вечной жизни, о чудесном. И я, не допуская, что я и моё воображение после смерти погибнем навеки, отвечал: «да, люди бессмертны», «да, нас ожидает вечная жизнь». И она слушала, верила и не требовала доказательств».

Общение совершается на уровне веры: именно она не требует доказательств. Прекращение такой близости есть тяжкое преступление против человека — в восприятии автора. Художник (и Мисюсь?) обречён на одиночество, тоска которого так трагически ощутима в его безнадежном призывании, завершающем рассказ: «Мисюсь, где ты?». Поэтому Лидия Волчанинова становится одним из самых отвратительных характеров среди созданных Чеховым.